

Ван Дачжуан почувствовал облегчение: если человек может есть, значит, он не умрёт. Он быстро доел оставшиеся после Юй Чанцина припасы, но не стал съедать всё до конца, оставив немного на случай, если завтра случится что-то непредвиденное, и им снова не удастся уйти. Все, кто часто ходит в горы, знают, что всегда нужно оставлять при себе немного еды на всякий случай.

Поев, Ван Дачжуан почувствовал, что снова ожил. Он взял Юй Чанцина на руки, сел у костра и прижал его к себе, чтобы согреть теплом огня. Однако ему казалось, что тело бессмертного было холодным, как лёд, и никак не могло согреться: стоило ему согреть его руки, как через мгновение они снова становились ледяными. Это было похоже на борьбу с многоголовым змеем: стоило отрубить одну голову, как на её месте вырастали две новые. Это приводило Ван Дачжуана в отчаяние.

Юй Чанцин никогда не любил, когда к нему приближались слишком близко, но, как оказалось, привычка — страшная вещь. Постепенно он привык к тому, что Ван Дачжуан то и дело прижимает его к себе, и теперь уже не только не чувствовал в этом ничего странного, но даже находил в этом некое удобство. Особенно успокаивало его присутствие шести маленьких ягод в кармане — они дарили ощущение безопасности.

Ван Дачжуан, глядя на отблески пламени, осторожно, словно боясь напугать, спросил:

— Сяньцзюнь, ты не собираешься их съесть?

Юй Чанцин чувствовал тяжесть в груди, но это было терпимо. Он прикрыл глаза и мягко ответил:

— Сейчас ещё нельзя. Если я съем плоды Чи Юй, мне нужно будет провести несколько больших циклов медитации для восстановления меридианов. Это может занять несколько часов или даже дней, в течение которых меня нельзя тревожить, иначе вся сущность плодов будет потрачена впустую. Но в этих горах опасно, нельзя рисковать.

— Понятно... — разочарованно пробормотал Ван Дачжуан.

Юй Чанцин приоткрыл глаза и спросил:

— Ты разочарован?

— Я ничего не понимаю во всех этих ваших делах. Просто думал, что раз лекарство есть, нужно принять его сразу, чтобы быстрее выздороветь. Мне не нравится видеть тебя таким больным. Я хочу увидеть, как ты радуешься, — буркнул Ван Дачжуан.

Юй Чанцин слегка удивился:

— Радуюсь?..

Ван Дачжуан кивнул.

— Сяньцзюнь, ты даже не представляешь, как красиво ты улыбаешься. Но ты всегда улыбаешься лишь слегка, еле заметно. А я хочу увидеть, как ты смеёшься от души. С тех пор как я нашёл тебя, ты всё время ранен, и, наверное, тебе было не до смеха. Но когда ты поправишься, и боль уйдёт, может быть, ты станешь счастливее.

Юй Чанцин задумчиво посмотрел в ночную тьму, окутавшую горы, и тихо, словно во сне, произнёс:

— Ты хочешь увидеть, но... я не умею. Я не помню, чтобы когда-либо был счастлив...

Ван Дачжуан почувствовал щемящую боль в груди. Он крепче обнял его и мягко сказал:

— Счастье идёт из сердца, и каждый может его почувствовать. Мне кажется, что хоть внешне ты выглядишь нормально, но внутри ты совсем не счастлив. Я не знаю, как живут бессмертные господа, но если быть бессмертным значит отказаться от радости, то, может, лучше быть обычным человеком? Пусть наша жизнь коротка, но мы успеваем испытать и радость, и печаль...

Юй Чанцин слегка приподнял уголки губ в слабой улыбке. Его ледяные пальцы слегка пошевелились в тёплых руках Ван Дачжуана.

— Дело не в том, что бессмертные не могут быть счастливы, — тихо ответил он. — Просто в моей жизни не было поводов для радости.

Ван Дачжуан поймал его пальцы, которые пытались выскользнуть, и аккуратно сжал их в своей ладони, словно успокаивая ребёнка.

— Ничего страшного. Ты не радуешься, потому что тебе одиноко, и рядом нет никого, кто бы тебя поддержал. Если ты не против, я буду рядом с тобой... Хотя, конечно, вы, бессмертные, живёте вечно, а я — нет. Но я буду с тобой, сколько смогу.

— Откуда ты знаешь, что со мной никто не был рядом? — тихо спросил Юй Чанцин.

— Просто чувствую, — ответил Ван Дачжуан. — Люди, у которых всегда есть кто-то рядом, не бывают такими... как ты.

— Мне просто никто не нужен, — фыркнул Юй Чанцин.

Ван Дачжуан почувствовал, как его сердце наполнилось нежностью. Бессмертный сейчас напоминал ему мальчика Сяо Ху из деревни. Тот был из бедной семьи и не мог позволить себе сладости. Каждый раз, когда он видел, как другие едят конфеты, он фыркал и говорил: «Мне вообще не нравятся эти детские штучки».

Ван Дачжуан, конечно, подумал об этом, но не стал говорить вслух — не хотел задеть самолюбие бессмертного. Просто улыбнулся и сказал:

— Ты и правда сильный, тебе, наверное, никто не нужен. А вот мне, простому человеку, иногда бывает одиноко. Так что, Сяньцзюнь, проводи со мной больше времени, пожалуйста.

Юй Чанцин закрыл глаза, и уголки его губ слегка дрогнули. Он едва заметно кивнул. Грудь Ван Дачжуана, на которую он опирался, была горячее, это тепло пронизывало его до самых костей, и впервые за долгие годы он почувствовал себя согретым.

Перед ним пылал костёр, а за спиной он чувствовал тепло, словно от солнца. Впервые, находясь рядом с другим человеком, он чувствовал себя так комфортно. Это было чувство, которое он не мог толком объяснить — просто нечто приятное и расслабляющее.

Ван Дачжуан, увидев, что Юй Чанцин прикрыл глаза, решил, что тот устал от ран и хочет спать. Он перестал говорить и крепче обнял его, стараясь согреть своим телом. Чтобы бессмертный мог отдохнуть, он почти не двигался всю ночь, и к утру всё его тело онемело.

На самом деле, Юй Чанцин тоже не спал. Хотя внешне он выглядел спокойным, всё его тело было охвачено болью. Грудь болела так сильно, что каждый вдох был как удар ножом. Если бы это был кто-то другой, он наверняка стонал бы от боли, метался бы, но его сила воли и терпение были непревзойдёнными. Он мог сдерживать боль и даже разговаривать с Ван Дачжуаном, но заснуть в таком состоянии было невозможно. Он просто лежал с закрытыми глазами, наслаждаясь редкими моментами покоя.

Когда свет дня окончательно разогнал ночной мрак, Ван Дачжуан тихонько позвал:

— Сяньцзюнь...

Юй Чанцин медленно открыл глаза. Длинные ресницы дрогнули, отбрасывая лёгкую тень, и он едва слышно отозвался:

— М-м?

Ван Дачжуан на мгновение подумал, что Сяньцзюнь очень милый, но сразу понял, что такие слова лучше не говорить. Вместо этого он спросил:

— Как ты себя чувствуешь? Тебе лучше?

Юй Чанцин едва заметно кивнул.

— Всё нормально.

Ван Дачжуан вздохнул. Этот бессмертный был слишком терпеливым. Даже когда он истекал кровью, он говорил, что «всё в порядке» или «всё нормально». Сейчас его лицо было бледным, губы бескровными, но он всё равно говорил, что «нормально». Спрашивать его о самочувствии было бессмысленно — из его уст никогда не услышишь «мне плохо».

В сердце Ван Дачжуана зародилась щемящая жалость, но он всё же сказал:

— Уже совсем светло, давай поскорее вернёмся. Ты съешь плоды, а я буду охранять тебя, чтобы никто не помешал.

Юй Чанцин молча кивнул и сел ровнее. Ван Дачжуан облегчённо вздохнул, но тут же понял, что не может подняться.

Юй Чанцин повернулся к нему и нахмурился.

— Ноги затекли?

Ван Дачжуан с кислым выражением лица кивнул.

Юй Чанцин, казалось, улыбнулся, но при ближайшем рассмотрении улыбки не было. Он просто повернулся и сказал:

— Я помогу тебе размять их, скоро всё пройдёт.

Ван Дачжуан знал, что бессмертному самому было плохо, и не хотел его утруждать. Он поспешно замахал руками.

— Не надо, не надо! Это просто онемение, кровь разойдётся, и всё само пройдёт.

Однако Юй Чанцин не стал его слушать. Он молча протянул свои белоснежные руки и аккуратно положил их на ноги Ван Дачжуана, медленно разминая их нежными, но уверенными движениями.